

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!

А. К. Толстой

Путь «из варяг в греки» — ядро Киевской Руси

Здесь, на земле чужих богов, не властен
грозный Один.
Здесь Тор меня не защитит, и Фрея прячет лик,
И только старый добрый меч да щит из бычьей
кожи
Отважных викингов хранит от сотен вражьих пик.
«По звездам млечного пути».
Песня археологов Псковской экспедиции, 1966 г.

Чахлые березовые перелески, березняк, могучие сосны, болотца, речки, мелкие и порожистые на северо-западе, в Приладожье и Приильменье, полноводные реки, степь с островками деревьев, море степного ковыля и плоские курганы на юге, в Приднепровье, — вот картины, что ожидали путешественника, будь он норманн, араб, хазарин или еврейский купец-радонит на знаменитом пути «из варяг в греки».

Путь этот связывал суровую, скалистую Скандинавию с благодатным югом Византии и Багдадского Халифата. Он проходил по землям славянских и финских племен на севере, по землям, зависимым от Хазарского каганата, на юге, и вел к столице могущественной и цивилизованной Византийской империи — Константинополю, полному сокровищ и религиозных святынь, великолепных дворцов и храмов. Свеонская Бирка, Старая Ладога (варяжский

Адельгейм) и Рюриково городище (Хольмгард), Киев и Вышгород лежали на этом пути, ведущем в столицу гордой Византии.

Константинополь — город, вызывавший вождение у суровых варягов-русов, стремившихся в него, чтобы торговать, и желавших при первом удобном случае овладеть его сокровищами. Они называли его Царьградом, городом царей. Сюда же стремились и «находники»-варяги, получившие в Византии наименование «вэрингов». Они плыли через Русь-Гардарики по ее рекам, чтобы поступить на службу к византийскому императору и составить элитный корпус императорской гвардии. Они называли Константинополь Миклагардом, «Большим городом».

По этому пути везли товары: меха, мед и воск, рабов — с севера, шелк, вина и серебро — с юга. На этом пути встречались представители разных народов, торговцы старались найти общий язык при обмене равноценными товарами. Путь по суше в те времена проходил по землям племен, как правило, враждебных чужакам и приносивших их в жертву своим богам. Поэтому, естественно, самой удобной дорогой были реки. А для скандинавов, народа-морехода, привычного к плаванию не только по морям, но и на гребных легких судах по рекам Скандинавии, это был естественный путь с севера на благодатный юг.

Потоки арабских серебряных дирхамов шли по этому пути в Скандинавию и далее в Западную Европу. Именно арабское серебро, потоки куфических монет, дирхамов, использовавшихся для самых разных целей помимо торгового обмена, например для изготовления украшений, подвесок и монист, привлекали норманнов в земли славянских

и финских племен. Здесь вдоль рек они основывали свои форпосты, как правило, занимая уже существующие селения и городища. Именно дальняя торговля была одним, и немаловажным, фактором среди других предпосылок к созданию государственности.

Торговля и война в то время шли рука об руку. Награбленные в походах богатства сосредотачивались в руках немногих и приводили к расслоению среди свободных общинников. Так складывалась богатая знать, существование которой, как и имущественное расслоение, было необходимым условием, предпосылкой создания государства. У славян и финнов брать было особенно нечего, и дань варягам они выплачивали мехами, беличьими, куньими или соболями шкурками.

Другое дело — богатства, которые мог принести один удачный набег на византийский город. Вина, шелка, золотые и серебряные вещи — все это было вожаделенными сокровищами для викингов. Для византийцев же особое значение пути «из варяг в греки» придавала возможность привлекать на службу воинственных варягов и русов и использовать их в своих военных целях как для дальних походов, так и для подавления местных мятежей, частенько поднимавшихся византийскими полководцами.

В описаниях древнерусских летописей путь «из варяг в греки» заканчивался где-то в Скандинавии. Судя по всему, именно свеонская Бирка была конечным его пунктом, и хотя «Повесть временных лет» просто туманно упоминает, что путь вел «в землю варягов», именно Бирка, расположенная на озере Меларен, была последней остановкой на восточном пути скандинавов в земли славян и финнов. Скандинавы называли этот путь восточным (*Austrveg*),

но на деле данное понятие имело больший объем и подразумевало скорее путь в «Восточные страны».

Путь «из варяг в греки» имел и западное ответвление, по которому шли на Восток товары с Запада, из империи франков. Данный отрезок связывал фризский Дорестада с расположенным за Датским валом торговым центром Хедебю, а оттуда шел морем в свеонскую Бирку.

Недаром в богатых скандинавских погребениях находят корабельные доски и заклепки, а иногда и целые корабли, а также захороненных коней. Предполагалось, что путь в Валгаллу скандинав проделывал на корабле и на коне, морем и частично по суше.

Какие же товары поступали по западному отрезку пути, который можно было бы назвать по аналогии с восточным путем из «фризов в варяги»?

Важнейшим товаром, поступавшим с запада, были франкские привозные мечи, изготавливавшиеся всего в нескольких мастерских. Франкские мастера гордились своей продукцией и ставили на мечи личные клейма, например, наиболее известным из оружейных мастеров был Ульфберт, клейма которого выглядели как *VLFBERT* в разных вариациях¹. В империи франков на продажу мечей врагам франков данам был введен запрет; таможенный контроль препятствовал их вывозу. Но это только поднимало цену качественного франкского меча, и в результате потоки контрабанды шли в Скандинавию. А варяги-русы, вооруженные такими мечами, шли по пути

¹ Херманн Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 120.

«из варяг в греки», и неудивительно, что на Руси найдено много таких мечей.

Другим видом товара, чрезвычайно ценившимся в Византии, в Багадском Халифате и мусульманской Испании (ал-Андалус) были рабы, мужчины и женщины. Работоторговля соединяла самые отдаленные и неожиданные страны. Исландские саги иллюстрируют значение торговли рабами по пути «из варяг в греки»

«Однажды, когда Хёскульд вышел развлечься с некоторыми людьми, он увидел великолепный шатер в стороне от других палаток. Хёскульд вошел в шатер и увидел, что перед ним сидит человек в одеянии из великолепной ткани и с русской шапкой на голове. Хёскульд спросил, как его зовут. Тот назвал себя Гилли.

— Однако, — сказал он, — многим больше говорит мое прозвище: меня зовут Гилли Русский.

Хёскульд сказал, что часто о нем слышал. Его называли самым богатым из торговых людей.

Тут Хёскульд сказал:

— Ты, видно, сможешь продать нам вещи, которые мы бы охотно купили.

Гилли спросил, что бы он и его спутники желали купить. Хёскульд сказал, что он хотел бы купить рабыню:

— Если у тебя есть рабыня на продажу.

Гилли ответил:

— Вы думаете поставить меня в затруднительное положение, спрашивая о вещи, которой, как вы полагаете, у меня нет в продаже. Однако дело обстоит не так, как вам кажется».

Рабыня, которую Хёскульд купил у Гилли, оказалась дочерью короля Ирландии Мюркьярта-на. В набеге в 844 г. на мусульманскую Испанию

(ал-Андалус) при взятии Севильи норманны, которых мусульманский писатель Йакуби называл «ар-рус», стремились захватывать женщин и детей на продажу, мужчин если и брали в плен, то с единственной целью — получить немедленно выкуп, а не получив, убивали.

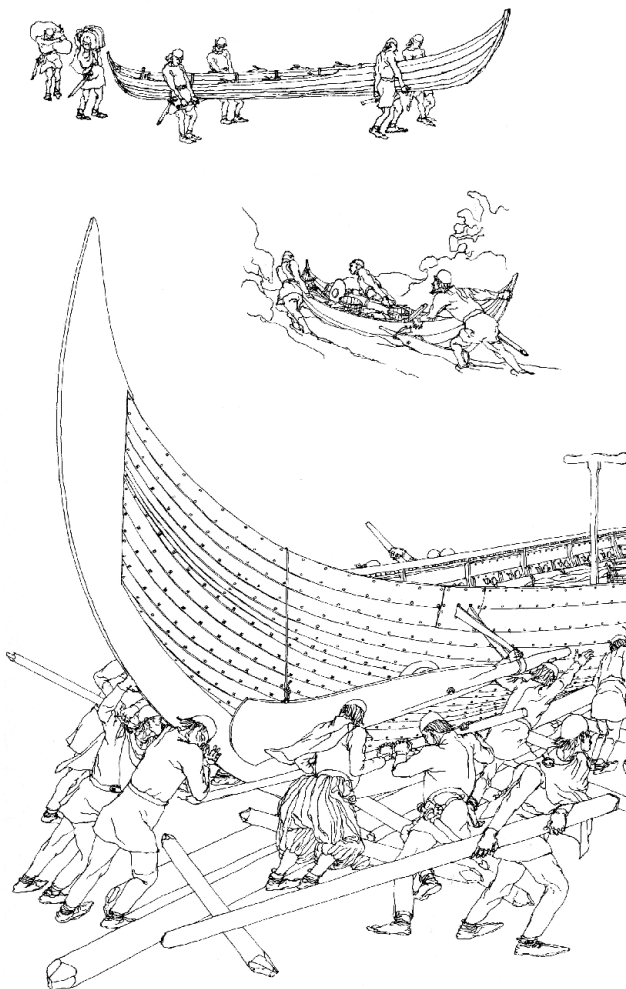
Путь на восток «из варяг в греки», как об этом говорит византийский император Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении империей», был труден, и много опасностей подстерегало купцов и воинов на этом пути. На степном участке на волоках в обход Днепровских порогов путников караулили отряды кочевников.

Днепровские пороги приходилось преодолевать как воинам, идущим в поход на Византию, так и русам-торговцам на пути «из варяг в греки». Первые скандинавы появились на северо-западе Восточной Европы в Старой Ладогe, согласно дендродате, уже в 753 г., а на самом деле, возможно, и раньше.

С тех пор они спускались по речной системе Восточной Европы, направляясь на юг в страны, откуда поступали дирхамы, куфическое серебро. Они торговали невольниками, мехами, медом, воском. Работоторговля была особенно прибыльной. Но Днепровские пороги находились в степной зоне, где кочевали степняки: берендеи, торки, потом печенеги и венгры, нападавшие на русов, вынужденных вытаскивать ладьи на берег и пересекать зону порогов волоком, выставляя стражу, согласно описанию императора Константина Багрянородного.

Судами русов, по свидетельству Константина Багрянородного, были славянские лодки, которые византийцы называли моноксилами (то есть однодревками), что подчеркивает, что они изготавливались

Путь «из варяг в греки» — ядро Киевской Руси

Преодоление порогов на пути «из варяг в греки». Поскольку перемещение груза было трудоемким процессом, легкие лодки переносили на руках или перетаскивали волоком, а крупные суда перекатывали на катках (реконструкция Б. Альмгрена, 1984)

из одного ствола дерева. Такие легкие лодки-моноксилы легко могли сплавляться по мелководным рекам, переноситься или перекачиваться на катках в обход порогов. Славяне, данники русов, рубили в лесах крупные деревья, изготавливали однодревки и сплавляли их по Днепру.

Потом в районе Киева, по сообщению Константина Багрянородного, они ремонтировались и дооснащались перед плаванием по Черному морю в Византию. Константин Багрянородный подробно описывает, как русы переправляли свои суда через Днепровские пороги, и приводит «росские» и славянские названия отдельных порогов.

Несколько остановок русы делали после переправы через пороги, в частности на о-ве Хортица, где приносили жертвы богам перед трудным плаванием по Черному морю в Византию.

Что же заставляло торговцев плыть по этому трудному и полному опасностей пути? Обычная человеческая жадность. Рабыня-славянка, стоившая на севере 70 дирхамов, продавалась в Багдаде за 2250 дирхамов. Прибыль в таком размере и в раннем Средневековье заставляла в поисках богатства пренебрегать опасностями в пути.

У суровых воинов-норманнов была одна детская черта — они особо ценили все необычное и странное, экзотичное, позволяющее выделиться среди толпы других воинов. Они с удовольствием носили восточные кафтаны с узкими рукавами, гарнизон свеонской Бирки использовал восточное оружие, составные луки с костяными накладками.

Это же качество было свойственно и конунгам, стремившимся выделиться и прославиться среди других властителей как своей щедростью, так

и владением экзотичными предметами и даже редкостными животными вроде полярного медведя. И даже войны между конунгами не останавливали норманна — торговца и воина, жаждущего богатства и славы.

«Когда Аудун приехал на юг в Норвегию, туда, где был тогда Харальд-конунг, он идет с корабля, ведя за собой медведя, и снимает себе жилье. Харальду конунгу сразу же сказали, что приехал белый медведь — большое сокровище, а привез его какой-то исландец. Конунг тотчас посылает за ним людей. Представ перед конунгом, Аудун приветствовал его. Конунг милостиво принял его приветствие и затем спросил:

— Что, немалое сокровище твой белый медведь?

Аудун отвечает и говорит, что есть у него медведишко.

Конунг сказал:

— Не продашь ли ты нам медведя за ту цену, за которую ты его купил?

Аудун отвечает:

— Не продам, государь.

— А хочешь, — говорит конунг, — я заплачу тебе вдвое против той цены? И это будет справедливо, раз ты отдал за него все свое добро.

— Не хочу, государь, — говорит Аудун.

Конунг сказал:

— Уж не хочешь ли ты подарить его мне?

Аудун отвечает:

— Нет, государь.

Конунг сказал:

— Что же ты хочешь с ним делать?

Аудун отвечает:

— Поехать в Данию и подарить его Свейну-конунгу.

Харальд-конунг говорит:

— Неужели же ты такой неразумный, что не слышал о войне между нашими странами? Или ты считаешь себя таким удачливым, что думаешь пробраться с сокровищами там, где даже те, кого нужда гонит, не могут пробраться целы и невредимы?»

Эта «Прядь об Аудуне с Западных фьордов» рассказывает нам, что в результате путешествия Аудуна к Свейну-конунгу за белого медведя он получил от Свейна корабль, кожаный мешок, набитый серебром, и золотое запястье с собственной руки, а также конунг Свейн предложил ему место стольника при своем дворе.

Неуемное любопытство, стремление к открытию новых земель, тяга к экзотическим вещам и сокровищам вели варягов-русов по пути «из варяг в греки» все дальше на юг. Были и другие торговые пути, например более ранний, чем днепровский, волжский путь, что вел в столицу Волжской Булгарии город Булгар. Был торговый путь по Западной Двине, что вел к Полоцку. Но в итоге слияние северной (Новгородской) и южной (Киевской) Руси вдоль Днепровского пути привело к объединению остальных независимых или полунезависимых варяжских центров, где правили «великие и светлые князья», под рукой великого князя Руси и к постепенному подчинению славянских и финских племен. Так сложилось единое древнерусское государство со столицей в Киеве — Киевская Русь.

Государство создавали князья из династии Рюриковичей: сам Рюрик, Олег, регент при малолетнем сыне Рюрика Игоре, Игорь, его жена Ольга, «приявшая великую честь» от императора Византии, ее сын, воинственный викинг Святослав, последний

викинг-завоеватель, «искавший чужой земли» в Болгарии, чтобы объявить ее Русью.

Варяги Рюрика, в отличие от своих предшественников, «находников»-варягов, свеонской руси, собиравшей дань и грабившей местные племена и возвращавшихся с добычей на родину, осели среди местного населения и невольно связали с ним свою судьбу. Первым Рюриковичам приходилось все больше опираться на местное население, так как непоседливые норманны стремились за славой и добычей и уходили так же, как варяги Аскольда и Дира в походы на Царьград, через земли Хазарского каганата на юг во владения арабов. В то же время эта Рюриковская русь уже отличала себя от варягов-скандинавов, приходивших по зову русских князей им в помощь. Культура и обычаи этой руси Рюрика носили следы «скандинавской вуали», но уже во многом она усваивала обычаи и язык местного населения. При этом только принадлежность к клану Рюрика давала право на владычество, а русы Рюрика составляли прослойку знати в новом вождестве, постепенно превращающемся в раннее государство.

Все Рюриковичи действовали вдоль пути «из варяг в греки», расширяя и укрепляя новое государственное образование. Деятельность каждого исторического лица была связана с определенной территорией и определенным центром — Старой Ладогой и Рюриковым городищем, Полоцком, Киевом и, наконец, Константинополем, куда русь приходила с войной и миром. Та же картина складывалась на западном пути «из фриз в варяги», где представители клана Скъёльдунгов получали от франкских императоров земли в бенефиций. Они владели ими

на условиях принятия христианства, уплаты налогов в императорскую казну и обороны этих земель от соплеменников-викингов. Вся их деятельность была связана с фризским Дорестадом, ютландским виком Хедебю, свеонской Биркой.

Эти торговые центры, эмпории или по-скандинавски вики, начинались как места встреч купцов и проведения ярмарок. Затем скопление товаров и возможность приобрести нужные и редкие вещи привлекала местных жителей со всей округи, предпочитавших селиться здесь, а не ездить издалека за покупками. Но скопление товаров и растущие богатства торговых центров приманивали и викингов в надежде на поживу. Тогда эти поселения начинали укреплять, причем часто как с суши, так и с моря, где в дно вбивались ряды кольев, сужающие фарватер. Набеги викингов приходилось отбивать, а для этого требовался опытный гарнизон под руководством умелого и знающего воинское дело вождя.

Хальфдан, Харальд Клак и его брат (или племянник) Рёрик Фрисландский, будущий Рюрик Русский — все они ходили в походы, контролировали торговлю, чеканили в подражание франкам монету и вели борьбу за трон Ютландии с сыновьями последнего конунга Готфрида, строителя Датского вала на этом западном отрезке пути.

Именно упадок торгового центра Дорестада, жемчужины их владений, и безуспешная борьба за возвращение родового имения Хедебю и толкнула «фризских данов» Рёрика к походу по восточному пути через свеонскую Бирку. Там уже сам Рюрик-Рёрик раздавал своим сподвижникам «овому Полоцк, овому Ростов, другому Белоозеро», как нам рассказывает «Повесть Временных лет».

Путь «из варяг в греки» — ядро Киевской Руси

Об этом и будет наша книга. О связи судеб первых Рюриковичей с отдельными географическими центрами и территориями, где протекала их деятельность по созданию и укреплению Древнерусского государства.

Дорестада (Фризия)

Торговый центр (эмпориум, вик) Дорестада был расположен в удобном месте в излучине Рейна, куда свободно заходили торговые корабли. Множество деревянных причалов вдавалось в воды Рейна, позволяя кораблям причаливать к ним и перетаскивать товары на сушу. Равного ему торгового центра в раннем Средневековье во Фризии не было. Его расцвет приходился на середину VIII в. — начало IX в. Через этот торговый центр, за обладание которым упорно боролись в VII в. франки и фризы, шли торговые пути в Англию и Данию. Борьба между ними за Дорестада и прилегающие земли носила упорный характер и шла с переменным успехом.

После смерти последнего короля фризов Редбада в 719 г. и завоевания Фризии франками в городе был расположен монетный двор, где чеканилась имперская монета. Фризы, несмотря на сопротивление части населения, придерживавшегося языческих верований своих предков, были крещены и получили определенную автономию в составе империи франков. Давними союзниками язычников фризов и саксов, подвергшихся завоеванию франками и принудительному крещению, и врагами франков были язычники-дань.

Значение Дорестада заключалось в его торговых связях с другими эмпориями, такими как датский Хеддебу или свеонская Бирка. Эти эмпории начинались

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru